

УДК 821.161.1

КУЛЬТУРНО-ОНОМАСТИЧЕСКИЙ ФОН РОМАНА А. ПЛАТОНОВА «СЧАСТЛИВАЯ МОСКВА»

Н.Б. Бугакова

*Доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
e-mail: ya_witch@mail.ru*

Воронежский государственный технический университет (г. Воронеж, Россия)

Работа посвящена одному из компонентов художественного текста – имени собственному как средству формирования культурно-ономастического фона произведения. В статье представлены онимы, создающие культурно-ономастический фон романа «Счастливая Москва». Среди выявленного массива онимных единиц можно выделить антропонимы, гемеронимы, эргонимы, макротопонимы. Выявленные онимные единицы классифицируются как реальные и вымышленные. Отмечается, что в формировании культурно-ономастического фона участвуют онимы, употребление которых направлено на воссоздание исторического хронотопа.

***Ключевые слова:** оним, А. Платонов, антропоним, топоним, имя собственное, культурно-ономастический фон*

Введение

Роман А. Платонова «Счастливая Москва» отличается от других своим экспериментальным стилем и глубокой символикой, представляя собой сложный и многослойный текст, в котором автор поднимает важные философские вопросы о природе человека, его душе и теле, а также о смысле жизни и судьбе, исследует различные аспекты человеческого бытия, включая взаимоотношения души и тела.

Рассматриваемый роман создавался писателем после публикации повести «Впрок», в период, когда он был объявлен «кулацким агентом», «враждебной сволочью» и вычеркнут на несколько лет из советской печатной литературы. Будучи многоплановым произведением, как уже отмечалось выше, «Счастливая Москва» отличается фантазмагоричностью, сюрреалистичностью, гротескностью. Вышедшая в 1937 году в «Красной нови» статья А. Гурвича указывала на то, что А. Платонов «сгущает краски, преувеличивает» [Гурвич 1937: 193]; что излюбленным образом писателя является «огромный пустой мир и в нем одинокий ребенок, одинокий человек» [Гурвич 1937: 198]. А. Гурвич считает, что А. Платонов, «чтобы плакать над чужими гробами, ... ищет горе повсюду, и если не находит, то выдумывает его, изобретает, вызывает дух скорби и отчаяния силой своего воображения» [Гурвич 1937: 233]. Кроме того, эта работа сообщала о религиозном душеустройстве героев

романа. В этой связи одно из самых загадочных произведений писателя увидело свет только в 1991 году: журнал «Новый мир» опубликовал в сентябрьском номере неизвестный до этого момента роман. «Воскрес он с рассыпающихся ветхих листочков, из непрочной рукописно-карандашной плоти 1933-1936 годов (спасибо и М.А. Платоновой, сохранившей их в своем архиве, и кропотливому реставратору – Н.В. Корниенко!)» – пишет С. Семенова в работе «Воскрешенный роман Андрея Платонова. Опыт прочтения «Счастливой Москвы» [Семенова 1995: 209]. Однако реакция читателей была неоднозначна: так, например, Ю. Нагибин охарактеризовал роман как «самый страшный роман Андрея Платонова» [Нагибин 1998: 577], назвав произведение жуткой сказкой об уродцах «советского условного мира» [Нагибин 1998: 577]. Западная критика также не оставила без внимания выход романа. В 1994 году «Новое литературное обозрение» опубликовало доклад Н. Друбек-Майер, который назывался «Россия – «пустота в кишках» мира» [Друбек-Майер 1994: 251-268]. Главная героиня предстает в этом исследовании аллегорическим воплощением Софии Премудрости Божией.

Материалы и методы

Материалом исследования является роман А. Платонова «Счастливая Москва», созданный писателем с 1932 по 1936 год, и нашедшие в этом романе отражение особенности ономастического творчества автора. В работе применяются метод контекстуального анализа, метод интерпретации текста, метод компонентного анализа, текстологический анализ, метод лингвистического наблюдения и описания.

Результаты

Предлагаемое исследование посвящено рассмотрению онимных единиц, формирующих культурно-ономастический фон роман А. Платонова «Счастливая Москва». Анализ онимных единиц, введенных автором в текст художественного произведения, чрезвычайно важен, поскольку, во-первых, помогает выявить специфику авторского подхода к выбору имен, а во-вторых, позволяет увидеть скрытые смыслы, заложенные в тот или иной оним в процессе создания литературного произведения. Очевидно, что почти каждый оним, функционирующий в пространстве художественного текста, кодирует действительность, реальную или вымышленную, которая при помощи различных экстралингвистических средств формирует различные ассоциации. Можно с уверенностью заявить, что оним в художественном тексте полифункционален.

Отметим, что некоторые попытки рассмотрения антропонимов романа предпринимались в монументальной работе Х. Костов

«Мифопоэтика Андрея Платонова в романе «Счастливая Москва». Автор обращается к анализу имен главных героев романа, сообщая, что «имена платоновских героев образуют цельную, тщательно продуманную и выверенную в деталях систему» [Костов 2000: 94]. Кроме того, исследователь считает, что «именем и различными его формами моделируется не только характер и социальный статус героя, отношения между персонажами и представленными ими различными точками зрения, но и идеи, носителями которых они являются» [Костов 2000: 94]. Однако ономастикон романа до конца не изучен; единицы, формирующие культурно-ономастический фон романа, также не попадали в поле зрения исследователей.

Как мы уже отмечали ранее, «в формировании модели ономастического творчества А. Платонова участвуют онимные единицы всех типов, однако необходимо отметить, что доминируют антропонимы, выступающие в качестве одного из главных средств создания образа героя того или иного произведения» [Бугакова 2023: 334]. В формировании культурно-ономастического фона рассматриваемого романа также участвуют антропонимы, к которым отнесем, например, онимные единицы *Ленин*, *Сталин*. Известно, что Владимир Ильич Ульянов (Ленин) – крупный теоретик марксизма, русский революционер, основатель Союза Советских Социалистических Республик. А. Платонов, помещая в комнате героя «три портрета над столом – Ленин, Сталин и доктор Заменгоф, изобретатель международного языка эсперанто» [Платонов 2009: 4: 3], отражает сакрализацию образов Ленина и Сталина, традиционную для описываемой в романе эпохи. Так, о смерти Ленина писали: «Это не смерть, ... это – превращение живого человека, которому мы недавно еще могли пожать руку, в существо порядка высшего, в бессмертное существо, в бессмертного гения, благодетеля человечества. ... этого сверхчеловеческого существа..., – вот его уже нет. Остались мы в нашей среде, в нашей людской компании» [Луначарский 1924: 30-31]. Под антропонимом *Сталин* автором понимается секретарь ЦК РКП(б)-ВКП(б) (1922-1934), секретарь ЦК ВКП(б)-КПСС (1934-1953). Примечательно упоминание автора о том, что портреты висят над столом: известна традиция помещать портреты вождей в кабинетах официальных лиц; также портреты могли использоваться, например, вместо икон. Подобную ситуацию описывает Ф. Абрамов в рассказе «Пелагея»: «Маня-маленькая ... в дверях согнулась пополам. Затем ... начала отвешивать поклоны в красный угол.

- Давай не в монастырь пришла, – съязвила Маня-большая...
- А что? – пробасила Маня-маленькая. – И не в сарай.
- Дура слепая! В углу-то у ей Ленин...

– Ничего, – все так же невозмутимо ответила Маня-маленькая» [Абрамов 1979: 67].

Отметим, что рассмотренные антропонимы представляют собой псевдонимы; сам А. Платонов тоже носит псевдоним, поскольку смена имени – один из самых популярных приемов в модели ономастического творчества писателя – традиционный для того времени опыт.

Антропоним *доктор Заменгоф* обозначает создателя эсперанто Людвиг Лазаря Заменгофа. Его работа «Международный язык» была опубликована в 1887 году и включала описание языка и учебник. По наличию пояснения «изобретатель международного языка эсперанто» [Платонов 2009: 4: 3] предположим, что идеи Заменгофа не были известны широкому кругу населения СССР, так же, как его имя, в отличие от имен Ленина и Сталина. Выявленные нами антропонимы обозначим как реальные, поскольку ими обозначены реально существовавшие люди.

Также к реальным отнесем выявленный нами в ходе анализа произведения антропоним *Луначарский*. Известно, что А.В. Луначарский – советский государственный деятель, в 1917-1929 гг. бывший первым наркомом просвещения РСФСР. А.В. Луначарский, в числе прочего, считал, что «настоящий праздник должен быть организован, как все на свете» [Луначарский 1920: 192], по крайней мере до тех пор, «пока социальная жизнь не приучит массы к какому-то своеобразному инстинктивному соблюдению высшего порядка и ритма» [Луначарский 1920: 192]. Этот постулат находит отражение в романе: «А вы видите, что делается на площади: граждане мечутся, нормально ходить не приучаются. Сколько раз в свою бытность товарищ Луначарский проповедовал ритмическое движение масс» [Платонов 2009: 4: 47]. Антропоним *Луначарский* способствует формированию исторического хронотопа; использование глагола *проповедовал* именно в форме прошедшего времени некоторым образом обосновывает датировку романа, поскольку А.В. Луначарский был наркомом просвещения до 1929 года (отметим, что основная масса произведений писателя точно датировки не отличается; он сам датировал только тексты 1927 года). Примечательно употребление автором лексемы *проповедовать* для обозначения действий А.В. Луначарского: с точки зрения лексикографических данных русского языка лексема *проповедовать* имеет значение «распространять какое-л. вероучение» [Ушаков 2007: 863] и обычно используется для обозначения религиозных ритуалов. Введение в текст этой лексемы подтверждает мнение о сакрализации образов партийных деятелей.

Вводя в ткань романа антропоним *Димитрий Иванович Менделеев*, писатель сообщает достоверные факты об ученом: один из персонажей романа говорит, что «покойник Димитрий Иванович Менделеев ... выше всего любил весы!» [Платонов 2009: 4: 24]. Известно, что однажды Д.И.

Менделееву понадобились максимально точные весы; ему пришлось пересмотреть конструкцию весов и запатентовать весы с одной чашей (на другой конец коромысла крепились грузы известной массы), так как, по расчетам ученого, достичь требуемой точности можно было при длине коромысла весов в 12 см, что в 4 раза меньше, чем общепринятая на тот момент. Оним *Димитрий Иванович Менделеев* сформирован по трехчастной композиции *имя+отчество+фамилия*, распространённой в творческой лаборатории писателя. Такие единицы он вводит для именованья человека, который заслуживает уважения. Рассматриваемый пример парадоксален: герой использует каноническую форму онима *Дмитрий* (*Димитрий* «из греч. Δημήτριος *Димитриос/Деметриос* относящийся к Деметре – богине земледелия и плодородия» [Суперанская 2013: 169]) и разговорную лексему *покойник*, используемую для обозначения того, кто умер, однако демонстрирует такие глубокие познания в биографии ученого. Это, безусловно, служит отражением эпохи: в период работы писателя над романом в образовании в СССР происходили большие изменения, одним из которых стало введение обязательного бесплатного образования для всех; таким образом советское правительство боролось с социальным неравенством и неграмотностью населения.

Это предположение подтверждается обращением к тексту романа «Ясная и восходящая жизнь» главной героини, Москвы Честновой, «началась с того осеннего дня, когда она сидела в школе у окна, уже во второй группе, смотрела в смерть листьев на бульваре и с интересом прочитала вывеску противоположного дома: «Рабоче-крестьянская библиотека-читальня имени А.В. Кольцова» [Платонов 2009: 4: 2]. Кроме того, что Москва учится в школе, как и положено детям в СССР, мы видим упоминание библиотеки-читальни. А. Платонов переосмыслил существовавшее в Советском Союзе название «изба-читальня», несколько облагородив его. Избы-читальни вошли в жизнь населения РСФСР еще в первые годы советской власти и представляли собой место, где крестьяне могли подбирать книги и читать их; создавались такие избы в том числе с целью борьбы с неграмотностью населения. В состав урбанонима «Рабоче-крестьянская библиотека-читальня имени А.В. Кольцова» включен антропоним, относимый нами к реальным: А.В. Кольцов – родившийся в Воронеже (как и А. Платонов) поэт. Примечательно, что в настоящее время в Воронеже имеются названные именем поэта улица, сквер, театр, гимназия и библиотека, однако библиотека была открыта только в 1944 году, а имя поэта получила в 2009, когда отмечала свое 65-летие. Библиотека-читальня им. А.В. Кольцова была открыта в Ростове-на-Дону в 1897 году, библиотека им. А.В. Кольцова – в Нижнем Новгороде в 1947 году; в Москве библиотеки с таким названием не обнаружено. Таким

образом, используя реальный антропоним *А.В. Кольцов*, А. Платонов увековечил имя земляка.

В формировании культурно-ономастического фона произведения участвуют и другие онимные единицы. Так, писатель вводит в пространство художественного текста эргоним *Электроприбор*: «Люстры завода «Электроприбор» бледной и нежной энергией покрывали людей и богатое убранство» [Платонов 2009: 4: 17]. Отметим, что в родном городе писателя предприятие с таким названием существовало, но вступило в действие только в мае 1956 года и люстр не производило; в настоящее время предприятие не функционирует, так как, войдя в кризисную фазу в 2019 году, не смогло выстоять: производство было снижено в связи с отсутствием заказов, персонал сокращен. Позднее территория завода была продана под застройку. Завод с таким названием был основан в 1927 году в Ленинграде, однако люстр не производил. Полагаем, что А. Платонов, первая брошюра которого, вышедшая в 1921 году, называлась «Электрификация» (и в этом же году он опубликовал статью «Золотой век, сделанный из электричества»), просто позаимствовал понравившееся ему название у работавшего в Ленинграде завода. Полагаем, употребление этого эргонима было направлено на то, чтобы продемонстрировать единство советского народа.

К эргонимам отнесем использованное писателем название хирургической клиники: «Они приехали в хирургическую клинику Института Экспериментальной Медицины» [Платонов 2009: 4: 27]. Известно, что в 1932 году в Москве был создан Всесоюзный институт экспериментальной медицины. Базой для него стал существовавший с 1890 года в Санкт-Петербурге Императорский институт экспериментальной медицины, в 1917 году трансформировавшийся в Государственный институт экспериментальной медицины. Нами эргоним употреблен в авторском написании – все компоненты онимной единицы написаны с заглавной буквы. Полагаем, такое употребление имеет цель обратить внимание читателя на возможную вымышленность эргонима. Эту гипотезу подтверждает фантазийность описания деятельности института: «... Нас здесь трое работают над одной темой: добыть одно таинственное вещество, следы которого есть в каждом свежем трупе. Это вещество имеет сильнейшую оживляющую силу для живых усталых организмов», – сообщает Самбикин [Платонов 2009: 4: 27]. Отметим, что произведения А. Платонова, создаваемые в этот период, особенно отличаются фантастичностью (напр., «Лунная бомба», «Эфирный тракт»). Кроме того, в стремлении найти вещество, которое «имеет сильнейшую оживляющую силу для живых усталых организмов», находят отражение постулируемые Н. Федоровым идеи мгновенного преобразования мира, «в соответствии с которыми умершие ждут своего часа для обретения братства со всеми

живущими» [Бугакова 2023: 267]. В тексте романа эти идеи получают развитие, поскольку Самбикин, спасая Москву Честнову, у которой «на следующий день здоровье ... ослабело, начался жар и пошла кровавая моча» [Платонов 2009: 4: 38], «взял сердце и шейную железу умершего ребенка, приготовил из них таинственную суспензию и впрыснул ее в тело Честновой» [Платонов 2009: 4: 38] и тем самым спас ее от смерти.

Нельзя не отметить введенные писателем в ткань художественного произведения гемеронимы: «Комягин был неподвижен на далеком полу; чтобы не запачкать постилки, ему Москва еще с вечера наложила на пол старые «Известия» 1927 года» [Платонов 2009: 4: 45]. Благодаря употреблению гемеронима «Известия» в рассматриваемом примере более точно очерчен хронотоп романа («Известия» 1927 года автор называет старыми); кроме того, данный пример показателен с точки зрения реализации зооморфных мотивов: автор обращает внимание на возможное «расчеловечивание» персонажа, обусловленное, очевидно, теми или иными социальными причинами; герой лежит на полу, ему стелют газеты, как животному, чтобы он не испачкал постилки. Лексема *постилки*, использованная автором для обозначения чего-либо, постеленного на пол, отсылает читателя, в соответствии с мифопоэтическими представлениями, к образу Матери-Сырой-Земли (об этом см. подробнее [Бугакова 2022; Скуридина, Бугакова, Кузьминых 2022]). На мифологичность романа обращает внимание и М.В. Селеменева, по мнению которой «роман «Счастливая Москва» представляет собой развернутую мифологему «женщина-город», восходящую к архетипу праматери» [Селеменева 2009: 24]; сущность ее, по мнению В.Н. Топорова, «рождающее чрево» [Топоров 2003: 73]. В.Н. Топоров, выявляя два варианта этой мифологемы – «город-дева» и «город-блудница» – утверждает: «Чтобы достичь блага, дева должна стать не блудницей, но матерью, подобно матери-городу» [Топоров 2003: 56]. «Поскольку Москва А. Платонова из двух полюсов мифологемы – города-девы и города-блудницы – выбирает вторую модель поведения, то она совершает не восхождение к святости материнства, а нисхождение в бездну греха (буквальной реализацией этой метафоры является соитие Москвы с Сарториусом в землемерной яме)», – полагает М.В. Селеменева [Селеменева 2009: 24].

К онимным единицам, участвующим в формировании культурно-ономастического фона романа, отнесем макротопонимы *СССР* и *Советский Союз*: «Божко писал ответ на каждое письмо, чувствуя свою гордость и преимущество как деятель СССР» [Платонов 2009: 4: 4]; «Ты один такой в Советском Союзе, как тебе не стыдно? Комягин с напряжением собирал ослабевшие мысли в своей голове. – Что мне такое Советский Союз – Советский Союз! Про него все теперь бормочут, а я живу в нем как в теплоте за пазухой [Платонов 2009: 4: 43]. Под

аббревиатурой *СССР* следует понимать Союз Советских Социалистических Республик – государство, образованное на территории Российской империи и просуществовавшее с 1922 по 1991 г. Фразеосочетание *Советский Союз*, употребленное А. Платоновым в тексте романа, является синонимичным рассмотренной выше аббревиатуре и означает то же. Введение в текст этих топонимов также способствует формированию исторического хронотопа, дополняя информацию о времени описываемых в тексте событий. Примечательно употребление героем сравнительного оборота *как в теплоте за пазухой*: очевидно переосмысление писателем идиомы *как у Христа за пазухой*, обозначающей высшую степень защиты. Полагаем, использовать данную идиому в первоначальном виде писатель не мог; это было обусловлено отношением, сложившимся в СССР к религии. Об этом же говорит М.В. Селеменова: «Писатель создает атеистический вариант «московского текста», в котором нет места традиционным символам православия» [Селеменова 2009: 24].

Хронотоп романа формируют использованные автором гидронимы и топонимы. При анализе выявлены гидронимы *Москва-река* и *Великий Океан*. Гидроним *Москва-река* отнесем к реальным, поскольку данная онимная единица называет реально существующую реку, протекающую, как известно, в том числе по территории столицы нашей Родины и являющуюся ее водной артерией; кроме того, Москва-река используется как транспортная магистраль (на реке развито судоходство). А. Платонов, вводя данный гидроним в ткань художественного произведения, очерчивает траекторию движения Москвы Честновой: «До вечера она ходила по бульварам и по берегу Москвы-реки» [Платонов 2009: 4: 3]. Предположим, что в предложенном примере автором обозначены популярные у москвичей места для прогулок.

Гидроним *Великий Океан* является вымышленным. «Обрати внимание на Великий Океан, ты живешь на его берегу, там плывут иногда советские корабли, это – мы» [Платонов 2009: 4: 4], – пишет Божко своему далекому другу из Конго. Указание страны проживания помогает идентифицировать территорию: республика Конго расположена на побережье Атлантического океана, и, очевидно, его писатель называет Великим океаном. Когда друг сообщает о смерти жены, Божко предлагает ему приехать в СССР, потому что «здесь он может жить среди товарищей, счастливей, чем в семействе» [Платонов 2009: 4: 4]. В этих эпизодах находят отражение идеи того времени: советское общество – это коллектив, члены которого имеют общее жизненное пространство и право принимать решения коллективно. Это, по мнению героя романа, и есть основа счастья. Кроме того, роман иллюстрирует идеи о важности труда. Персонаж романа «по своей службе ... славился лучшим ударником, ... кроме прямой геометрической работы,

он был секретарем стенгазеты, завхозом огородного хозяйства и за свой счет учил в школе воздухоплавания одну малоизвестную ему девушку» [Платонов 2009: 4: 4]. Известно, что «в СССР ... восхвалялся труд как основополагающая ценность жизни. ... Труд рассматривался как дело чести и героизма советского человека» [Гигаури 2017: 183]. Эти постулаты отражены в романе; однако отметим, что и сам писатель ценил работающего человека: в основе его мировоззрения человек трудящийся, именно поэтому одной из ведущих особенностей модели ономастического творчества А. Платонова является употребление профессионима вместо антропонима. Писатель считал, что профессионим точнее характеризует личность.

Заключение

Завершая рассмотрение романа «Счастливая Москва», отметим, что в художественном пространстве А. Платонова активно функционируют онимные единицы, формирующие культурно-ономастический фон. Среди этого массива можно выделить антропонимы (например, Ленин, Сталин), гемеронимы («Известия»), эргонимы («Электроприбор» и пр.), макротопонимы (например, СССР) и т.д. Выявленные онимные единицы классифицированы нами как реальные и вымышленные. Создавая вымышленные онимы, автор пользуется принятыми в русской картине мира ономастическими моделями. Примечательно, что при употреблении некоторых онимных единиц писатель отходит от традиционных форм и употребляет нестандартные (напр., написание заглавных букв вместо прописных). Полагаем, таким образом писатель хочет продемонстрировать значимость описываемых элементов в его картине мира. Участвующие в формировании культурно-ономастического фона онимные единицы направлены на воссоздание исторического хронотопа.

Библиографический список

- Абрамов Ф.А.* Пелагея. Алька. Л.: Лениздат, 1979. 320 с.
- Бугакова Н.Б.* Лексическая объективация бинарной оппозиции «земля – небо» в художественной модели мира А. Платонова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2022. № 3 (46). С. 32-37.
- Бугакова Н.Б.* Модель ономастического творчества в индивидуально-авторской картине мира А. Платонова: дис. ... д-ра филол. наук, Воронеж, 2023. 420 с.
- Гигаури Д.И.* Идеология и культура советского государства: к памяти Октябрьской революции // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. №39. С. 183. DOI 10.17223/1998863 /39/20.

Гурвич А. Андрей Платонов // «Красная новь», 1937. № 10. С. 193-233.

Друбек-Майер Н. «Россия – «пустота в кишках» мира» // «Новое литературное обозрение». 1994. № 9. С. 251-268.

Костов Х. Мифопоэтика Андрея Платонова в романе «Счастливая Москва». Хельсинки: Хельсинский университет, 2000. 325 с.

Луначарский А.В. Ленин (Речь, произнесённая в день похорон на общем собрании работников искусств г. Москвы). 2-е изд. Л.: Государственное издательство, 1924. 32 с.

Луначарский А.В. О массовых празднествах // О театре и драматургии. 1920. № 62. т. 1. С. 190-193.

Нагибин Ю. Самый страшный роман Андрея Платонова // Учитель словесности. М.: Подкова, 1998. С. 568-578.

Платонов А. Собрание сочинений. Москва: Время, 2009. Т. 4. Счастливая Москва. 294 с.

Селеменова М.В. «Московский текст» в русской литературе XX в. (на материале художественной прозы 1910-х – 1950-х гг. // Вестник РУДН. Серия Литературоведение. Журналистика. 2009. № 2. С. 24.

Семенова С. Воскрешенный роман Андрея Платонова. Опыт прочтения «Счастливой Москвы» // Новый Мир. 1995. №9. С. 209-226.

Скуридина С.А., Бугакова Н.Б., Кузьминых Е.О. Земля как мифопоэтическая константа: Ф.М. Достоевский, А. Платонов, И. Шмелев // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2022. Т. 26. № 3. С. 21-34.

Суперанская А.В. Словарь личных имен. Москва: АСТ, 2013. 384 с.

Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб.: Искусство, 2003. С. 56, 73.

Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка: 180000 слов и словосочетаний. Москва: «Альта-Принт», 2007. 1178 с.

References

Abramov F.A. Pelageya. Al'ka. L.: Lenizdat, 1979. 320 s.

Bugakova N.B. Leksicheskaya ob`ektivaciya binarnoj oppozicii «zemlya – nebo» v xudozhestvennoj modeli mira A. Platonova // Aktual`ny`e voprosy` sovremennoj filologii i zhurnalistiki. 2022. № 3 (46). S. 32-37.

Bugakova N.B. Model` onomasticheskogo tvorchestva v individual`no-avtorskoj kartine mira A. Platonova: dis. ... d-ra filol. nauk, Voronezh, 2023. 420 s.

Gigauri D.I. Ideologiya i kul`tura sovetskogo gosudarstva: k pamyati Oktyabr`skoj revolyucii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya. 2017. №39. S. 183. DOI 10.17223/1998863/39/20.

Gurvich A. Andrej Platonov // «Krasnaya nov`», 1937. № 10. S. 193-233.

Drubek-Majer N. «Rossiya – «pustota v kishkax» mira» // «Novoe literaturnoe obozrenie». 1994. № 9. S. 251-268.

Kostov X. Mifopoe`tika Andrey a Platonova v romane «Schastlivaya Moskva». Xel`sinki: Xel`sinskij universitet, 2000. 325 s.

Lunacharskij A.V. Lenin (Rech`, proiznesyonnaya v den` poxorona na obshhem sobranii rabotnikov iskusstv g. Moskvu). 2-e izd. L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1924. 32 s.

Lunacharskij A.V. O massovy`x prazdnestvax // O teatre i dramaturgii. 1920. № 62. t. 1. S. 190-193.

Nagibin Yu. Samy`j strashny`j roman Andrey a Platonova // Uchitel` slovesnosti. M.: Podkova, 1998. S. 568-578.

Platonov A. Sobranie sochinenij. Moskva: Vremya, 2009. T. 4. Schastlivaya Moskva. 294 s.

Selemeneva M.V. «Moskovskij tekst» v russkoj literature XX v. (na materiale xudozhestvennoj prozy` 1910-x – 1950-x gg. // Vestnik RUDN. Seriya Literaturovedenie. Zhurnalistika. 2009. № 2. S. 24.

Semenova S. Voskreshenny`j roman Andrey a Platonova. Opy`t prochteniya «Schastljivoj Moskvu» // Novy`j Mir. 1995. №9. S. 209-226.

Skuridina S.A., Bugakova N.B., Kuz`miny`x E.O. Zemlya kak mifopoe`ticheskaya konstanta: F.M. Dostoevskij, A. Platonov, I. Shmelev // Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2022. T. 26. № 3. S. 21-34.

Superanskaya A.V. Slovar` lichny`x imen. Moskva: AST, 2013. 384 s.

Toporov V.N. Peterburgskij tekst russkoj literatury`: Izbranny`e trudy`. SPb.: Iskusstvo, 2003. S. 56, 73.

Ushakov D.N. Bol`shoj tolkovy`j slovar` sovremennogo russkogo yazy`ka: 180000 slov i slovosochetaniy. Moskva: «Al'ta-Print», 2007. 1178 s.

UDC 821.161.1

CULTURAL-ONOMASTIC BACKGROUND OF A. PLATONOV'S NOVEL "HAPPY MOSCOW"

N.B. Bugakova

*Doctor of Philology, Docent, Professor of the Department of Russian Language and
Intercultural Communication
e-mail: ya_witch@mail.ru*

Voronezh State Technical University (Voronezh, Russia)

The work is devoted to one of the components of a literary text - a proper name as a means of forming the cultural-onomastic background of a work. The article presents onyms that create the cultural-onomastic background of the novel "Happy Moscow". Among the identified array of onymic units, we can distinguish anthroponyms, hemeronyms, ergonyms, macroponyms. The identified onymic units are classified as real and fictitious. It is noted that onymic units, the use of which is aimed at recreating the historical chronotope, participate in the formation of the cultural-onomastic background.

Key words: *onym, A. Platonov, anthroponym, toponym, proper name, cultural-onomastic background*